

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Оригинальная статья

УДК 316.3

JEL I31

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_10_631_647

EDN HZHIZX

Влияние низких доходов от занятости на субъективные оценки уровня и качества жизни в домохозяйствах работников бюджетной сферы Республики Башкортостан

Айбулат Галимьянович Каримов¹, Эльмира Ирековна Ахметова²

^{1,2} Институт социально-экономических исследований – обособленное структурное подразделение Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Уфа, Россия

¹ (karaigal@gmail.com) (<https://orcid.org/0000-0002-4185-5377>)

² (isyan.elmira@yandex.ru) (<https://orcid.org/0009-0009-0374-4017>)

Аннотация

В статье представлены результаты анализа данных социологических исследований, проведённых в 2021–2024 гг. среди работников бюджетной сферы Республики Башкортостан. Целью исследования стал анализ влияния низких доходов от занятости на субъективные оценки уровня и качества жизни домохозяйств работников бюджетной сферы Республики Башкортостан. Исследование направлено на выявление взаимосвязи между профессиональной идентичностью, уровнем доходов и адаптационными практиками. Установлено, что низкие доходы от занятости предопределяют не только ограниченную покупательную способность домохозяйств, но и формируют заниженные оценки социального статуса, а также способствуют выбору стратегий выживания вместо профессионального развития. Рост номинальной заработной платы не компенсирует инфляцию, а продолжительный стаж не гарантирует финансовой стабильности, что ведёт к обесцениванию профессиональной идентичности. Результаты анализа свидетельствуют о формировании замкнутого круга, при которой даже продолжительный профессиональный стаж не обеспечивает финансовой стабильности, а профессиональная идентичность, традиционно выступавшая значимым статусным маркером, теряет свою ценность. Материальные факторы являются доминирующими в трудовой мотивации, особенно среди низкодоходных групп, вынуждая работников выбирать стратегии выживания вместо профессиональной самореализации. Сохраняется гендерная асимметрия в оплате труда, а адаптационные стратегии поляризованы по доходным группам. Результаты исследования подтверждают структурный характер бедности работающего населения. Для её решения требуются комплексные институциональные изменения: модернизация системы оплаты труда, разработка адресных программ поддержки (переподготовка, льготное кредитование) и повышение социального престижа социально значимых профессий. По мнению авторов, без реформ бюджетный сектор рискует превратиться в «ловушку бедности», что может иметь негативные последствия для развития человеческого капитала и долгосрочного социально-экономического развития как регионов, так и страны в целом.

Ключевые слова: работающие бедные, бюджетная сфера, доходы от занятости, профессиональная идентичность, адаптационные стратегии, доходы населения, социальная самоидентификация, уровень жизни, формальная занятость, низкодоходные группы

Благодарности: исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 25-28-01228).

Для цитирования: Каримов А.Г., Ахметова Э.И. Влияние низких доходов от занятости на субъективные оценки уровня и качества жизни в домохозяйствах работников бюджетной сферы Республики Башкортостан // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Том 21. № 4. С. 631–647. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_10_631_647 EDN HZHIZX

RAR (Research Article Report)

JEL I31

https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_10_631_647

The Impact of Low Employment Income on Subjective Assessments of the Standard and Quality of Life in Households of Public Sector Workers in the Republic of Bashkortostan

Aybulat G. Karimov¹, Elmira I. Akhmetova²

^{1,2} Institute of Social and Economic Research of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia

¹ (karaigal@gmail.com) (<https://orcid.org/0000-0002-4185-5377>)

² (isyan.elmira@yandex.ru) (<https://orcid.org/0009-0009-0374-4017>)

Abstract

This article presents the results of an analysis of sociological survey data collected between 2021 and 2024 among public sector workers in the Republic of Bashkortostan. The study aims to analyze the impact of low employment income on the subjective assessments of the standard and quality of life among these workers' households. The research reveals the interconnections between professional identity, income level, and coping strategies. The study finds that low earnings from work not only determine the limited purchasing power of households but also shape undervalued assessments of social status and promote the choice of survival strategies over professional development. Nominal wage growth fails to outpace inflation, and extensive work experience does not guarantee financial stability, leading to a devaluation of professional identity. The results indicate the formation of a vicious cycle where even long professional tenure does not

ensure financial security, and professional identity, traditionally a significant status marker, loses its value. Material factors dominate work motivation, especially among low-income groups, compelling workers to opt for survival strategies instead of professional self-realization. Gender pay asymmetry persists, and adaptation strategies are polarized across income groups. The research confirms the structural nature of working poverty. Addressing it requires comprehensive institutional reforms: modernizing the wage system, developing targeted support programs (retraining, soft loans), and enhancing the social prestige of socially significant professions. According to the authors, without such reforms, the public sector risks turning into a "poverty trap," which could have negative consequences for the development of human capital and long-term socio-economic development of both the regions and the country as a whole.

Keywords: the working poor, public sector, employment income, professional identity, adaptation strategies, household income, social self-identification, living standards, formal employment, low-income groups

Acknowledgements: The research was funded by the Russian Science Foundation (project No. № 25-28-01228)

For citation: Karimov A.G. Akhmetova E.I. The Impact of Low Employment Income on Subjective Assessments of the Standard and Quality of Life in Households of Public Sector Workers in the Republic of Bashkortostan. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2025;21(4):631–647. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_4_10_631_647 (In Russ.)

Введение

В современной России проблема низких доходов работающего населения остаётся одной из ключевых социально-экономических проблем. Особую остроту данная проблема приобретает в бюджетной сфере, где уровень оплаты труда зачастую существенно ниже среднерыночных показателей, несмотря на её принципиальную роль в обеспечении социальной инфраструктуры. На сегодняшний день уровень оплаты труда в образовании, здравоохранении, науке и культуре остаётся достаточно низким, что приводит к системной деградации человеческого капитала, серьёзному снижению качества предоставляемых медицинских и образовательных услуг, падению престижа профессий бюджетной сферы. В современной экономической действительности инфляционные процессы и ограниченность финансовых возможностей работников данной категории не соответствуют динамике роста цен на товары и услуги первой необходимости. Это приводит к устойчивому снижению их жизненного уровня и закреплению статуса «работающих бедных» – ситуации, когда формальная занятость не гарантирует доходов, достаточных для удовлетворения даже базовых жизненных потребностей.

Актуальность исследования обусловлена следующими факторами:

– Социально-экономической значимостью бюджетного сектора. Бюджетная сфера является крупнейшим сегментом занятости в России, охватывая системообразующие сектора современного государства (порядка 21 млн человек (примерно 28% работающего населения¹). Работники бюджетной сферы обеспечивают функционирование ключевых общественных институтов – здравоохранения, образования, науки, культуры, что

¹ Структура занятых по месту основной работы и видам экономической деятельности в 2022 г. // Росстат: [сайт]. URL:http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2023.pdf (дата обращения: 27.04.2025).

напрямую влияет на человеческий капитал и долгосрочное развитие страны. Низкий уровень их материального благосостояния снижает качество предоставляемых услуг, способствует профессиональной деградации и оттоку квалифицированных кадров.

– Хронизацией проблемы бедности работающего населения. Согласно проведённым нами исследованиям, проблема бедности среди работников бюджетной сферы приобретает устойчивый и долгосрочный характер. Одним из ключевых индикаторов этого процесса является увеличение доли сотрудников с длительным трудовым стажем – с 62,2% до 71,5% за анализируемый период².

– Сохранение низких доходов, даже при постоянной занятости, указывает на недостатки в оплате труда и социального обеспечения. Ограниченная социальная мобильность, когда опыт и длительный стаж работы не приводит к существенному улучшению материального положения свидетельствует о структурных барьерах в экономике. Существует риск «ловушки работающих бедных», когда люди годами застревают на низкооплачиваемой работе без перспектив.

– Дисбалансом в оплате труда между бюджетным и коммерческим секторами. В условиях рыночной экономики наблюдается устойчивый разрыв в доходах между работниками бюджетного и коммерческого секторов. Например, в сфере IT или нефтегазовой отрасли средние зарплаты в 2–4 раза выше, чем у педагогов или медиков с аналогичным уровнем квалификации³. Это приводит

² Социологическое исследование: Проблемы и перспективы развития социально-трудовой сферы работников бюджетной сферы Республики Башкортостан» (май-июнь 2024 г.). Объект исследования: трудоспособное население республики в возрасте 18–65 лет. Общий объём выборочной совокупности: 1193 респондента.

³ Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций по видам экономической деятельности // Росстат: [сайт]. URL:http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2023.pdf (дата обращения: 27.04.2025).

к оттоку кадров и снижению престижа социально значимых профессий.

– Демографическими и миграционными последствиями, оказывающими деструктивное влияние на формирование человеческого потенциала в стратегической перспективе. Низкий уровень доходов в бюджетной сфере способствует «утечке умов» – миграции квалифицированных специалистов (врачей, учёных, инженеров) в коммерческий сектор или за рубеж. Уже сейчас Россия сталкивается с дефицитом педагогических и медицинских кадров, что угрожает качеству человеческого капитала в долгосрочной перспективе.

Целью исследования является анализ влияния низких доходов от занятости на субъективные оценки уровня и качества жизни домохозяйств работников бюджетной сферы Республики Башкортостан. Задачи исследования: выявить и охарактеризовать социально-экономическое положение работников бюджетной сферы, относящихся к категории «работающих бедных»; изучить субъективные оценки уровня и качества жизни данными домохозяйствами, включая оценку материального положения, удовлетворённость различными аспектами жизни и покупательную способность; проанализировать их профессиональные стратегии и адаптационные практики в условиях низкого уровня доходов; изучить особенности социального самочувствия и профессиональной идентичности данной категории работников; установить взаимосвязи между уровнем доходов, профессиональной идентичностью и адаптационными практиками. Объектом исследования стали работники бюджетной сферы Республики Башкортостан и их домохозяйства. Предметом исследования – влияние низких доходов от занятости на субъективные оценки уровня и качества жизни домохозяйств работников бюджетной сферы. Гипотеза исследования заключалась в следующем: низкие доходы от занятости в бюджетной сфере Республики Башкортостан оказывают детерминирующее влияние на субъективные оценки уровня и качества жизни, что проявляется в систематическом занижении оценок материального положения, ограниченной покупательной способности домохозяйств, трансформации профессиональной идентичности. Всё это приводит к системной деградации человеческого капитала, вынуждая работников выбирать стратегии выживания вместо профессионального развития, и трансформирует бюджетный сектор в институциональную «ловушку бедности».

В качестве объекта исследования выбраны работники бюджетной сферы – работники образования, здравоохранения, науки, культуры, а также государственные и муниципальные служа-

щие. Такой выбор обусловлен их ключевой ролью в обеспечении общественных благ и формировании человеческого капитала, а также зависимостью уровня их доходов и условий труда от бюджетов разных уровней. При этом, государственные и муниципальные служащие рассматриваются как особая категория бюджетников: с одной стороны, они финансируются из бюджета, с другой – их деятельность направлена на организацию и реализацию государственной политики, что напрямую отражается на положении остальных сфер бюджетной занятости.

Анализ статей в российских журналах за 2020–2025 гг. позволяет проследить как фокус в изучении социального неблагополучия сместился с проблемы низких доходов к комплексному анализу «бедности» как сложного, многомерного и структурно воспроизводимого феномена. Исследования демонстрируют значительный разрыв между официальной статистикой и субъективным восприятием бедности населением, которое ассоциирует её не только с дефицитом доходов, но и с глубокой материальной и социальной депривацией [1]. В фокусе научной дискуссии находится феномен работающих бедных, который характеризуется устойчивостью и обусловлен не только низким уровнем оплаты труда в отдельных секторах экономики [2], но и прекаризацией занятости, оказывающей независимое негативное влияние на социальное самочувствие даже при относительно высоких заработках [3]. При этом подчёркивается, что занятость сама по себе не является страховкой от бедности, а её эффективность в качестве защитного механизма определяется комплексом факторов, включая структуру домохозяйства и региональные диспропорции [4]. Особую тревогу вызывает бедность среди высококвалифицированных профессионалов, свидетельствующая о системной недооценке человеческого капитала и наличии структурных дисбалансов на рынке труда [5]. Усугубляющим фактором выступает значительная межрегиональная дифференциация в соотношении доходов и стоимости жизни, требующая перехода от пассивных мер поддержки к активной политике, нацеленной на развитие человеческого капитала и создание качественных рабочих мест [6].

Исследование бедности как научной категории охватывают широкий спектр теоретических подходов, начиная от классических работ А. Смита, Т. Мальтуса и К. Маркса, которые заложили основы понимания экономического неравенства, до современных концепций, таких как многомерная бедность [7] и субъективные оценки благосостояния [8].

Анализ современной научной литературы, посвящённой проблемам бедности, неравенства

и низкооплачиваемой занятости в России, демонстрирует её комплексный и многогранный характер. Исследования концентрируются как на объективных статистических измерениях, так и на субъективном восприятии феномена населением. Работы Уманец Л.В. и Ашмарова И.А. [9; 10] подчёркивают структурный характер проблемы, выявляя феномен «работающих бедных» и значительную поляризацию доходов даже в наиболее благополучных регионах, таких как Москва. Ключевой вклад в понимание динамики низкооплачиваемой занятости вносят Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. и Шарунина А.В., чьё исследование на панельных данных РМЭЗ ВШЭ доказывает, что низкооплачиваемая занятость в России обладает высокой устойчивостью и зачастую представляет собой не «трамплин» для карьерного роста, а «ловушку», выход из которой затруднён [11]. Л.А. Гордон выделяет бедность «слабых» и «сильных», подчёркивая роль структурных факторов и индивидуальных стратегий выживания [12]. Н.Е. Тихонова, А.А. Разумов, О.В. Селиванова акцентируют внимание на региональных диспропорциях и институциональных барьерах, усугубляющих бедность в России [13; 14].

На сегодняшний день, проблема «работающих бедных» остаётся актуальной как для развитых, так и для развивающихся стран. При этом, в скандинавских государствах с развитой социальной защитой уровень работающей бедности ниже, чем в Южной и Восточной Европе, что подчёркивает роль институциональных факторов [15; 16]. Для стран Южной Европы ситуация усугубляется экономическими кризисами и слабой социальной защитой [17; 18; 19; 20]. В России проблема «работающих бедных» тесно связана с низкими доходами в бюджетном секторе и региональными диспропорциями [21; 22; 23; 24; 25; 26; 27]. Особую тревогу вызывает рост бедности среди семей с детьми, где многодетные и неполные семьи чаще всего сталкиваются с повышенными рисками из-за высокой иждивенческой нагрузки [28; 29].

Обобщая, можно отметить, что если в развитых странах Запада бедность работающего населения чаще всего связана с низкой оплатой труда в низкоквалифицированных секторах, проблемой мигрантов и различными формами девиаций, неполной занятостью, гибкими формами занятости (проектная, частичная занятость), а также высокими расходами на жильё и здравоохранение, то в российских реалиях бедность работающих в первую очередь обусловлена низкими зарплатами даже при полной занятости в секторах с высокой квалификацией кадров, к которым относятся отрасли бюджетной сферы, ограниченными воз-

можностями профессиональной мобильности, сверхвысокой долей низкооплачиваемых рабочих мест в структуре экономики. Вместе с тем, существующие меры поддержки, такие как адресные социальные выплаты и налоговые льготы имеют меньший охват и размер, а расходы на жильё и услуги, хотя и ниже, отнимают значительную долю дохода из-за низкого уровня заработных плат.

«Бедность работающих», особенно в бюджетной сфере, является устойчивым структурным явлением, обусловленным экономическими и институциональными факторами. Как показывают исследования, несмотря на законодательно закреплённые механизмы индексации заработных плат, доходы значительной части работников данной категории остаются на уровне, лишь незначительно превышающем прожиточный минимум [30; 31; 32].

Для сокращения бедности исследователи предлагают различные меры, которые включают в себя такие мероприятия как усиление социальной защиты (введение прогрессивной шкалы налогообложения и расширение программ адресной помощи) [33], стимулирование качественной занятости (создание рабочих мест с достойной оплатой труда и снижение доли неформальной занятости) [34], региональные стратегии (учёт локальных особенностей при разработке антикризисных программ [35], многомерные подходы (интеграция неденежных индикаторов в социальную политику) [36; 37], поддержка уязвимых групп (адресные программы для женщин, молодёжи и работников бюджетной сферы). Непосредственно для работников бюджетной сферы отдельными учёными предлагается повышение доходов за счёт установления размеров основной заработной платы не ниже стандартов, позволяющих входить в средние слои по уровню жизни с учётом различий в стоимости жизни в субъектах РФ. Размер их основной заработной платы не должен также зависеть от бюджетной обеспеченности регионов, т.е. необходимо обеспечить равную оплату труда (по покупательной способности) за труд равной квалификации во всех субъектах Федерации [38].

В целом, теоретически, феномен «работающих бедных» разработан достаточно глубоко, но остаётся актуальной из-за сложной динамики экономических и социальных условий. Основные выводы свидетельствуют о необходимости комплексных мер: от реформ оплаты труда до адресной социальной политики и психологической поддержки. Во всех анализируемых работах обсуждаются меры государственной поддержки: индексация МРОТ, региональные программы, стимулирование занятости.

Теоретико-методологические положения

Проблема низких доходов от занятости, приводящая к возникновению феномена «работающих бедных» (к которым относят трудоспособных граждан, чьи душевые доходы в домохозяйствах ниже прожиточного минимума), является достаточно изученной как в российской, так и в зарубежной научной литературе, что отражает важность этой проблемы в современном социально-экономическом дискурсе.

Согласно Международной организации труда (МОТ / ILO) – «Работающие бедные» – это люди, которые имеют работу (заняты в экономике), но их душевые доходы ниже установленной черты бедности (обычно \$1,90 или \$3,10 в день по ППС, в зависимости от страны).⁴

ОЭСР (OECD) определяет работающих бедных как лиц, которые работают не менее половины года, но живут в домохозяйствах с доходом менее 50% медианного дохода по стране (относительная бедность).⁵ Аналогичный подход использует Евростат (Eurostat), относя к категории работающих бедных тех граждан, которые работают более половины года, но их доход после уплаты налогов и получения социальных трансфертов не превышает 60% национального медианного дохода.⁶

В российской статистике под данную категорию подпадают работающие граждане, душевые доходы которых находятся ниже установленного прожиточного минимума, что отражает абсолютный монетарный подход к оценке бедности.

Методология исследования основана на методологических положениях российской государственной статистической службы по определению показателей уровня бедности населения, а также на репрезентативных количественных данных, собранных по единой схеме в разные временные периоды, и дополнена целевым изучением конкретной профессиональной группы. Такой подход позволяет не только дать «срез» проблемы на текущий момент, но и проанализировать её в развитии, обеспечивая глубину и обоснованность научных выводов.

⁴ World Employment and Social Outlook 2016: Transforming Jobs to End Poverty. International Labour Office. Geneva: ILO, 2016. 192 p. URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/%40dgreports/%40dcomm/%40publ/documents/publication/wcms_481534.pdf (дата обращения: 23.04.2025)

⁵ Breaking the Vicious Circles of Informal Employment and Low-Paying Work. OECD. Paris: OECD Publishing, 2024. 166 p. <https://doi.org/10.1787/f95c5a74-en>

⁶ EU statistics on income and living conditions (EU-SILC) methodology - in-work poverty // European Union: [сайт]. URL: [https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=EU_statistics_on_income_and_living_conditions_\(EU-SILC\)_methodology_-_in-work_poverty#Calculation_method](https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=EU_statistics_on_income_and_living_conditions_(EU-SILC)_methodology_-_in-work_poverty#Calculation_method) (дата обращения: 23.04.2025).

Использованные данные и методы работы с ними

Эмпирическую базу исследования «низких доходов от занятости на субъективные оценки уровня и качества жизни в домохозяйствах работников бюджетной сферы» составили данные серии социологических исследований, выполненных коллективом Института социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра РАН (ИСЭИ УФИЦ РАН).

Для проверки теоретических гипотез и верификации эмпирических данных был применён комплексный аналитический подход, включающий вторичный анализ данных и статистические методы. Основу методики составил сравнительный анализ трёх исследовательских проектов, обеспечивающий как анализ текущего состояния проблемы, так и выявление динамики.

Обработка и анализ данных осуществлялись с применением пакета статистических программ SPSS. Для выявления структурных взаимосвязей между ключевыми переменными использовались методы математической статистики. Наличие и силу зависимостей оценивали с помощью критерия хи-квадрат Пирсона и корреляционного анализа.

Основным источником данных для анализа стало социологическое исследование «Проблемы и перспективы развития социально-трудовой сферы работников бюджетной сферы Республики Башкортостан» (май–июнь 2024 г., N=1193). Объект исследования – трудоспособное население республики в возрасте 18–65 лет.

Для проведения сравнительного анализа и выявления динамики были использованы материалы исследования «Проблемы и перспективы формирования трудового капитала Республики Башкортостан работников бюджетной сферы» (май–июнь 2021 г., N=1085). Единая методология построения выборок (вероятностная процедура с квотированием по полу и возрасту для репрезентации трудоспособного населения 18–65 лет) обеспечила сопоставимость данных и валидность сравнительного анализа.

Для углублённого изучения специфики одной из ключевых групп бюджетной сферы использовались результаты исследования «Башкирский чиновник 185 лет назад и сегодня» (октябрь–ноябрь 2021 г.). Выборочная совокупность данного исследования включила: 660 респондентов, из них государственных служащих 352 респондента (53,3%), муниципальных служащих – 308 человек (46,7%).

Вторичный анализ данных указанных исследований позволил провести комплексную оценку феномена работающих бедных в бюджетном сек-

торе, учитывая как общие тенденции, так и специфику отдельных профессиональных групп.

Результаты исследования

Уровень жизни работников бюджетной сферы. Анализ результатов проведённого исследования за 2021 и 2024 годы демонстрирует, что среднемесячный доход от занятости респондентов бюджетной сферы Республики Башкортостан остаётся относительно низким. Среднемесячный доход 87,7 % респондентов в 2024 г. распределялся в интервале 14–40 тыс. руб., что указывает на ограниченные возможности для обеспечения достойного уровня жизни. В 2021 г. среднемесячный доход 94,7% населения распределялся в интервале 10–40 тыс. руб. Наблюдается рост номинальных доходов, но не значительный. Несмотря на увеличение доходов их рост не компенсирует инфляцию и рост прожиточного минимума. Различия в интервалах по среднемесячному доходу в проведённых исследованиях обусловлены привязкой к прожиточному минимуму населения. Если прожиточный минимум в 2021 г. для трудоспособного населения в Республике Башкортостан составлял 10 641 руб. (постановление Правительства Республики Башкортостан от 11 февраля 2021 года № 35), то в 2024 г. – 14 991 руб. (постановление Правительства Республики Башкортостан от 7 ноября 2023 г. № 631).

Таким образом, несмотря на рост среднемесячных доходов населения их увеличение не обеспечивает компенсацию инфляционных процессов и роста прожиточного минимума, что указывает на сохраняющиеся ограниченные возможности для обеспечения достойного уровня жизни в регионе. Соотнесение уровня доходов от занятости с величиной прожиточного минимума демонстрирует, что даже при формальном росте доходов значительная часть трудоспособного населения, в особенности работников бюджетной сферы, остаётся в зоне риска бедности,

что требует усиления мер социальной и экономической политики для повышения реальных доходов населения.

Проведённый анализ данных о распределении доходов среди работников бюджетной сферы за период 2021–2024 годов выявляет существенную трансформацию гендерной структуры заработных плат (Таблица 1). В 2021 году наблюдалась выраженная гендерная асимметрия, объясняемая как концентрацией женщин в низкооплачиваемых секторах, таких как образование и социальное обеспечение, так и их меньшей представленностью на руководящих должностях, в рамках одних и тех же профессиональных групп. Так женщины были существенно представлены в низкодоходных группах (11–15 тыс. руб. – 23,6% женщин против 8,4% мужчин; 16–20 тыс. руб. – 23,2% против 12,2%), тогда как мужчины доминировали в высокодоходных сегментах (31–35 тыс. руб. – 11,7% против 7,6%; свыше 70 тыс. руб. – 2,6% против 0,7%).

К 2024 году наблюдается значимое изменение в доходных позициях: выравнивание показателей в группе 20–25 тыс. руб. (20,3% мужчин и 20,2% женщин), а также перевес женщин в категории 25–30 тыс. руб. (21,5% против 19,3%). Особого внимания заслуживает увеличение доли женщин в группе 50–60 тыс. руб. (5,2% против 2,2% у мужчин), что может свидетельствовать о частичном преодолении эффекта «стеклянного потолка»⁷. Однако сохраняющаяся диспропорция в сверхвысокодоходной группе (свыше 100 тыс. руб. – 0,7% мужчин против 0,3% женщин) указывает на сохраняющиеся структурные барьеры вертикальной мобильности. Полученные результаты демонстрируют положительную динамику сокращения гендерного разрыва в бюджетной сфере, но одновременно подчёркивают необходимость разработки адресных мер политики, направленных на обеспечение равных возможностей профессионального роста и оплаты труда.

Таблица 1

Уровень доходов респондентов в зависимости от пола, %

Table 1

Respondents' Income Levels by Gender, %

2021 г.			2024 г.		
интервалы доходных групп	мужской	женский	интервалы доходных групп	мужской	женский
До 10 тыс. руб.*	1,8	5	До 15 тыс. руб.	10,3	3,7
11–15	8,4	23,6	15–20	9	15

⁷ Стекло́нный потоло́к – термин, обозначающий неформальные и часто невидимые барьеры, которые препятствуют карьерному продвижению представителей отдельных социальных групп (чаще всего женщин, этнических меньшинств) на высшие уровни управления и власти, несмотря на их профессиональные качества и компетенции. Эти барьеры не закреплены официально, но поддерживаются сложившимися стереотипами, корпоративной культурой и неосознанными предубеждениями. Впервые термин был применён Мерилин Лоден, выступавшей на Женском форуме в Нью Йорке в 1978 году. Стекло́нный потоло́к: что это и как он влияет на карьеру женщин // РБК: [сайт]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/6407102b9a7947d598f06a60> (дата обращения: 15.10.2025).

2021 г.			2024 г.		
интервалы доходных групп	мужской	женский	интервалы доходных групп	мужской	женский
16–20	12,2	23,2	20–25	20,3	20,2
21–25	17	19,1	25–30	19,3	21,5
26–30	17,8	11,7	30–35	15,2	13,3
31–35	11,7	7,6	35–40	13,8	13,5
36–40	10,1	4,6	40–50	6,6	5
41–50	10,7	2,3	50–60	2,2	5,2
51–60	5,3	1,7	60–70	1,7	1
61–70	2,4	0,4	70–80	0,7	0,7
Свыше 70 тыс. руб.	2,6	0,7	80–90	0,2	0,3
*	*	*	90–100	0,3	
*	*	*	Свыше 100 тыс. руб.	0,3	0,7

* Различия в интервалах по среднемесячному доходу в проведённых исследованиях обусловлен привязкой к жилищному минимуму населения.

Источник: данные социологического опроса.

Результаты исследования подтверждают, что субъективная оценка своего социального статуса формируется под значительным влиянием фактического материального статуса респондентов – работников бюджетного сектора. Проведённый нами анализ выявил статистически значимую зависимость между уровнем дохода от занятости и субъективной оценкой социального статуса ($\chi^2=189.7$, $df=40$, $p<0.001$). Критерий хи-квадрат Пирсона подтвердил наличие устойчивой связи между этими переменными. Корреляционный анализ показал умеренную положительную взаимосвязь ($r=0.42$, $p<0.01$), что свидетельствует о том, что с ростом доходов увеличивается вероятность отнесения себя к более высоким социальным слоям.

Представляет отдельный интерес группа «затрудняющихся ответить». Распределение данной группы по доходам близко к общему, однако среди них выше доля как самых низких (22,9% при доходе до 14 тыс. руб.), так и относительно высоких (8,1% – 35–40 тыс. руб.) доходов. Эти данные позволяют выдвинуть гипотезу о том, что феномен неопределённости в самоидентификации своего социального статуса проявляется в большей степени при переходных или нестабильных экономических условиях.

Полученные результаты подтверждают гипотезу о значительном влиянии материального фактора на формирование социальной самоидентификации, однако наличие значительной доли респондентов, затруднившихся с самоидентификацией (в среднем 17.6%), свидетельствует о сложном, нелинейном характере этой взаимосвязи.

Субъективная оценка своего материального положения достаточно неоднозначная. На воп-

рос «Как бы вы оценили своё материальное положение?», по замеру 2024 г., большая часть опрошенных работников бюджетного сектора, как мужского, так и женского пола (34,3% и 35,0% соответственно) оценивают своё материальное положение как «среднее»: они могут позволить себе одежду и обувь, но покупка крупной бытовой техники была бы затруднительна ($\chi^2 = 18.232$, $df = 6$, $p = 0.006$; $r = 0,021$, $p = 0.304$ (Пирсона); $\rho=0.033$, $\rho=0.098$ (Спирмена).

Вторым по распространённости ответом является «достаточно для бытовой техники, но не для автомобиля» (22,3% мужчин и 18,1% женщин).

При этом, женщины чаще, чем мужчины, общаются о возможности приобретения всех товаров за исключением жилья (12,7% против 9,9%) и испытывают материальные затруднения (4,4% против 2,3%).

Эти результаты выявило статистически значимые, но относительно слабые гендерные различия в субъективной оценке материального положения. Исследование фиксирует структурные ограничения в потреблении среди российских средних слоёв, при этом женщины субъективно более остро воспринимают финансовые затруднения, связанные с покупкой дорогостоящих товаров. Важно отметить, что оценка материального положения давалась респондентами исходя из возможностей домохозяйства в целом. В этом контексте отсутствие значимой линейной корреляции (как по Пирсону, так и по Спирмену) между полом и итоговой оценкой свидетельствует о том, что гендерный фактор нивелируется при переходе на уровень общих семейных ресурсов.

Субъективная оценка материального положения респондентов в зависимости от их социальной самоидентификации, %

Table 2

Distribution of Subjective Financial Status Assessments among Social Self-identification Groups, %

	Обеспеченные	Малообеспеченные	Бедные	Нищие	Затрудняюсь ответить	Другое	Всего
Материальных затруднений не испытываем, при необходимости могли бы приобрести квартиру (недвижимость)	11,7	1,3	2	0	1,5	9,8	3,5
Доходов хватает на всё, кроме такого приобретения как квартира	29,6	7,9	1	0	10,8	12,2	11,8
Денег вполне хватает на приобретение бытовой техники, но мы не могли бы приобрести автомобиль	31,2	17,1	4,1	0	20,5	24,4	19,3
Можем приобретать одежду и обувь, но купить сейчас телевизор, холодильник, персональный компьютер было бы трудно	14,6	42,4	36,7	13,3	35,2	29,3	34,5
На питание денег хватает, но покупка одежды вызывает проблемы	4	21,3	45,9	30	10,8	7,3	17,3
Денег не хватает даже на питание	0,4	3,9	8,2	50	1,5		3,9
Затрудняюсь ответить	8,5	6,1	2	6,7	19,6	17,1	9,7
Итого	100, 0	100, 0	100, 0	100, 0	100, 0	100, 0	100, 0

Источник: данные социологического опроса.

Вместе с тем, при анализе взаимосвязи субъективной оценки материального положения и социальной самоидентификации было выявлено выраженное расслоение в оценках материального положения в зависимости от принадлежности к различным социальным слоям. ($\chi^2 = 487.32$, $df = 30$, $p < 0.001$; $r = 0.68$, $p < 0.001$). Наблюдается чёткое разграничение в ответах: лишь 11,7% «обеспеченных» работников бюджетной сферы заявляют о возможности приобретения недвижимости, тогда как среди «малообеспеченных» таких лишь 1,3%, а среди «бедных» – 2%. При этом половина «нищих» (50%) испытывают острую нехватку средств даже на питание, что практически в 14 раз превышает средний показатель по выборке (3,6%).⁸

При этом, как и в предыдущем распределении, оценка материального положения «затруднившихся ответить», распределена неравномерно от относительно благополучных (20,5% могут позволить бытовую технику) до проблемных (10,8% испытывают трудности с покупкой одежды).

Сравнительный анализ с выборкой государственных и муниципальных служащих демонстрирует, что более чем половина опрошенных (51,7%)

⁸ Здесь и далее по статье. Классификация респондентов на группы по самоидентификации материального положения («обеспеченные», «среднеобеспеченные», «малообеспеченные», «бедные», «нищие») осуществлялась на основе их ответов на вопрос: «К какому социальному слою вы себя относите?»

отнесли себя к малообеспеченным, к бедным – 31,4%, к обеспеченным – лишь 8,1%, а к нищим – 4,7%; 4,1% затруднились с ответом. Среди них, 47,5% указали, что средств хватает только на необходимое, но не на сбережения. Существенная доля опрошенных – каждый третий (30,8%), констатируют, что денег хватает лишь на самое необходимое. В сумме эти две группы формируют подавляющее большинство в 78,3%, что указывает на преобладание достаточно низкого уровня достатка. Лишь 15,8% респондентов могут позволить себе не только покупки, но и сбережения.

Таким образом, большая часть опрошенных государственных и муниципальных служащих оценивают своё материальное положение как невысокое, что в целом коррелирует с общей картиной по выборке, но имеет свою специфику. Это указывает на относительно скромный уровень жизни данной профессиональной группы. Несмотря на существование широко распространённого стереотипа о том, что государственные и муниципальные служащие живут в достатке, проведённое исследование показывает, что это не соответствует действительности. Многие из них сталкиваются с низкими заработными платами, ограниченными возможностями для карьерного роста и другими экономическими трудностями. Кроме того, конкретные условия и материальное положение служащих могут существенно разли-

чатся в зависимости от региона или уровня государственной должности.

Исследование субъективных оценок изменения материального положения выявило выраженную зависимость от социального статуса ($\chi^2 = 447.703$, $df = 20$, $p < 0.001$; $r = 0,109$, $p < 0.001$ (Пирсона); $\rho=0.152$, $p < 0.001$ (Спирмена). Среди «обеспеченных» большинство (72,8%) фиксируют улучшение, тогда как у «бедных» и «нищих» работников бюджетной сферы доминируют негативные оценки (72,4% и 76,2% соответственно), что отражает рост социальной поляризации. Умеренная сила корреляции указывает на наличие дополнительных факторов, требующих изучения.

Ожидания также дифференцированы ($\chi^2 = 420.008$, $df = 25$, $p < 0.001$; $r = 0,194$, $p < 0.001$ (Пирсона); $\rho=0.222$, $p < 0.001$ (Спирмена): 47,5% «обеспеченных» рассчитывают на улучшение и лишь 5,1% – на ухудшение, в то время как в группах «бедных» и «нищих» преобладают пессимистичные прогнозы (26,4% и 59,1%).

Таким образом, обнаружена устойчивая взаимосвязь между ожиданиями изменения материального положения и социальной идентичностью. Работники бюджетной сферы, относящие себя к более высоким социальным слоям, демонстрируют более оптимистичные прогнозы, тогда как группы с низкой самоидентификацией («бед-

ные», «нищие») чаще ожидают ухудшения своего положения.

Полученные результаты подтверждают гипотезу о том, что экономическое неравенство не только сохраняется, но и воспроизводится через дифференцированную динамику материальной обеспеченности различных социальных групп.

Анализ восприятия справедливости заработной платы выявил существенные различия в ответах респондентов ($\chi^2 = 384.171$, $df = 20$, $p < 0.001$; $r = 0,185$, $p < 0.001$ (Пирсона); $\rho=0.222$, $p < 0.001$ (Спирмена). Среди «обеспеченных» чаще встречаются позитивные оценки (около 14% считают оплату справедливой), тогда как у «бедных» и «нищих» доминирует противоположная позиция (более 80% – «несправедливо»). При этом значительная доля респондентов (около 10%) затруднилась с ответом, особенно среди тех, кто не определился с самоидентификацией. Даже среди «обеспеченных» каждый седьмой считает свою зарплату несправедливой.

Отдельное исследование в госсекторе подтвердило общий кризис восприятия: лишь 4,7% считают оплату достойной, тогда как почти 70% отмечают её недостаточность. В целом выявленный результат указывает на усиление социальной поляризации, требующей адресных мер социальной политики и поддержки экономической мобильности.

Рисунок 1. Ответы респондентов на вопрос «Когда Вы испытываете материальные трудности, то за счёт каких мер пытаетесь их преодолеть?» в 2021 г. и 2024 г. (%) *
Figure 1. Respondent Responses to the Question, «When You Experience Financial Difficulties, What Measures do You Take to Overcome Them?» in 2021 and 2024 (%)

*Сумма ответов более 100%, поскольку можно было выбрать несколько вариантов.

Источник: данные социологического опроса.

Оценка адаптационных стратегий работников бюджетной сферы в 2021–2024 гг. показала устойчивую зависимость от заёмных средств при сокращении активных практик (Рисунок 1). Если данные за 2024 г. демонстрируют преобладание кредитования (26,1%) и займов у своего социального окружения (18,5%), суммарно охватывающих 44,6% респондентов, тогда как активные стратегии (трудовая мобильность – 13,4%, самозанятость – 18,7%) сократились по сравнению с 2021 г. (22,6% и 27,3% соответственно). При этом доля пассивных моделей поведения, включая ощущение бесперспективности (12,6%), возросла. Наблюдаемый сдвиг в сторону пассивных практик свидетельствует об исчерпании адаптационных ресурсов на фоне ухудшения экономических условий.

Анализ адаптационных стратегий показал существование значительных различий между социальными слоями. Среди «малообеспеченных» и «бедных» работников бюджетной сферы преобладают заимствования у знакомых (27,9% и 25,5%) и кредиты (29,6% и 37,6%), что отражает

их высокую зависимость от внешних ресурсов. «Бедные» также чаще прибегают к подработкам (22,8%), тогда как «обеспеченные» чаще отмечают отсутствие необходимости в дополнительных мерах (27,3%) или используют устойчивые источники дохода, например сдачу имущества в аренду (3,3%). Самообеспечение продуктами питания распространено примерно одинаково во всех группах (16,5–19,4%).

Полученные данные свидетельствуют, что работники бюджетного сектора занимают пограничное положение между бедностью и относительной устойчивостью, формируя значительный сегмент экономически уязвимого населения, для которого характерны признаки хронической финансовой неустойчивости.

Условия труда и эмоциональный климат. Анализ представленных данных о сфере занятости респондентов в 2021 и 2024 гг. демонстрирует значительные изменения в структуре занятости работников бюджетной сферы. Рассмотрим основные тенденции и их возможные причины.

Рисунок 2. Ответы респондентов на вопрос «Как оформлены Ваши отношения с работодателем?» в 2021 г. и 2024 г. (%)

Figure 2. Respondent Responses to the Question «What is the Formal Status of Your Relationship with Your Employer?» in 2021 and 2024 (%).

Источник: данные социологического опроса

Сравнительный анализ трудовых отношений в 2021–2024 гг. показал усиление формализации занятости: доля бессрочных договоров выросла с 68,1% до 75,4%, тогда как срочных снизилась с 20,4% до 12,7%; гражданско-правовые контракты немного увеличились (с 6,9% до 8,9%), дистанционная занятость осталась минимальной (0,2%) (Рисунок 2). Это указывает на укрепление стабильности и правовой защищённости работников бюджетного сектора.

В трудовых условиях доминирует стабильность: у 41,9% респондентов они не изменились. Однако негативные сдвиги затронули часть работников – 9,5% сообщили о сохранении нагрузки при снижении дохода, 2,1% о сокращении и зарплате, и нагрузки. Позитивные изменения коснулись меньшинства: повышение получили 6,4%, а 2,4% нашли более высокооплачиваемую работу. Среди адаптационных стратегий выделяются: смена деятельности (6,9%), переквалификация

(4,3%), дополнительная занятость (4,1%) и самозанятость (3,5%).

Мотивация остаётся преимущественно материальной (88,9–96,7%), причём её значимость возрастает с уменьшением доходов. У обеспеченных респондентов заметнее нематериальные стимулы (интересная работа – 34%, признание – 15,8%), у уязвимых групп – гибкий график (22–23%) и любимое дело (20–23,5%). У «бедных»

высока значимость альтруистических мотивов (24,5%) как формы компенсации социальной идентичности. При этом профессиональная идентичность важна лишь для 0–3,2% опрошенных, что отражает слабую связь образования и занятости. В целом результаты показывают: чем хуже материальное положение, тем сильнее смещение мотивации от самореализации к стратегии выживания.

Рисунок 3. Ответы респондентов на вопрос «Планируете ли Вы сменить профессию, сферу деятельности?» в 2021 г. и 2024 г. (%)

Figure 3. Respondent Responses to the Question «Do You Plan to Change Your Profession Field of Work?» in 2021 and 2024 (%)

Источник: данные социологического опроса.

Сравнительный анализ профессиональных планов работников в 2021–2024 гг. выявил значимые изменения: доля респондентов, планирующих смену профессии, сократилась с 18,9% до 13,9%, тогда как намерение повысить квалификацию возросло с 9,6% до 13,0% (Рисунок 3). При этом доля удовлетворённых текущей профессией осталась стабильной (~45%). Увеличение затруднившихся с ответом (с 18,0% до 21,0%) может отражать растущую неопределённость на рынке труда. Параллельно зафиксировано снижение интереса к смене места работы без изменения профессии (с 7,9% до 7,2%), что противоречит ожиданиям роста трудовой мобильности.

Вместе с тем, рассмотрение профессиональных планов в зависимости от уровня доходов выявил нелинейную зависимость между экономическим положением и профессиональными планами работников бюджетной сферы. Наибольшая доля респондентов, планирующих смену профессии (16,9%), сосредоточена в группах с доходами

20–30 тыс. руб., тогда как среди наиболее обеспеченных (свыше 100 тыс. руб.) этот показатель достигает 23,1%. Примечательно то, что намерение повысить квалификацию демонстрирует U-образное распределение: максимальные значения наблюдаются как в низкодоходных (10,9% для до 14 тыс. руб.), так и в высокодоходных группах (23,1% для свыше 100 тыс. руб.). Доля удовлетворённых текущей профессией снижается по мере роста доходов (от 52,8% при 35–40 тыс. руб. до 35,7% при 60–70 тыс. руб.), что может свидетельствовать о более высоких профессиональных амбициях среди относительно обеспеченных слоёв. Статистический анализ ($\chi^2=47,167$; $p=0,507$) не подтвердил значимой связи между уровнем дохода и профессиональными планами, что требует необходимости учёта дополнительных факторов.

При этом, анализ профессиональных планов в зависимости от социального статуса выявил следующие закономерности. Данные демонстрируют выраженную поляризацию стратегий трудо-

вой мобильности: в группе «малообеспеченных» (47,3% от общей выборки) преобладают установки на радикальную смену профессии (54,3%) или места работы без смены специальности (58,2%), что может свидетельствовать о кризисе профессиональной идентичности в данной группе. Напротив, «обеспеченные» респонденты (17,4%) чаще выбирают стратегии профессиональной стабилизации – либо через повышение квалификации (18,7%), либо через сохранение текущего профессионального статуса (19,6%). Примечательно, что группы «бедных» (6,9%) и «нищих» (2,1%) демонстрируют относительно низкую активность в планах профессиональных изменений, что согла-

суется с теорией выученной беспомощности в условиях хронической экономической депривации. Полученные результаты подтверждают гипотезу о ключевой роли субъективного социального статуса в формировании профессиональных траекторий, где промежуточное («малообеспеченное») положение создаёт наибольшие предпосылки для профессиональной мобильности.

Образовательные стратегии работников бюджетной сферы. Сравнительный анализ данных социологических опросов за 2021–2024 гг. демонстрирует изменения в корреляции между образованием и профессиональной деятельностью (Рисунок 4).

Рисунок 4. Ответы респондентов на вопрос «Вы работаете по специальности, указанной в документе об образовании?» в 2021 г. и 2024 г. (%)

Figure 4. Respondent Responses to the Question «Do You Work in the Field of Your Degree?» in 2021 and 2024 (%)

Источник: данные социологического опроса

Так, доля, работающих по полученной специальности, сократилась с 61,8% до 56,1%, в то время как процент тех, кто не работает по специальности, увеличился с 25,5% до 29,1%. Одновременно отмечается рост занятости в близких к специальности сферах – с 12,6% до 14,9%. Данная динамика обусловлена комплексом факторов, специфичных для бюджетного сектора. Образуется институциональный разрыв между компетенциями, формируемыми системой профессионального образования и актуальными требованиями бюджетных организаций, что особенно проявляется в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания.

Вместе с тем, анализ профессиональной деятельности и социальной самоидентификации респондентов выявил статистически значимую, но слабую зависимость между переменными ($\chi^2=19,056$; $p=0,040$). Наибольшая доля работающих по специальности наблюдается среди «обеспеченных» (59,2%) и «малообеспеченных» (54,8%)

групп, тогда как среди «бедных» этот показатель минимален (45,0%). При этом, 40,3% бедных респондентов не работают по полученной специальности, что существенно превышает аналогичный показатель в других группах. Корреляционный анализ ($r=-0,003$; $p=0,865$) не подтвердил наличия линейной связи между уровнем дохода и профессиональной деятельностью, что свидетельствует о сложном характере взаимосвязи этих факторов.

Для бюджетного сектора характерно сохранение формальных требований к квалификации при одновременном расширении обязанностей, что ведёт к переходу от модели «диплом–должность» к более гибким профессиональным траекториям. Особенно это заметно в социально-ориентированных профессиях, где растёт потребность в универсальности работников.

По данным опроса 2021 г., большинство сотрудников с высшим (63,7%) и средним специальным образованием (60,6%) считают свою ква-

лификацию достаточной, тогда как среди лиц без профобразования этот показатель ниже (54,5%), причём почти треть из них (27,3%) оценивает её как недостаточную (в 6,5 раза чаще, чем у выпускников вузов – 4,3%). Промежуточная позиция («достаточная с необходимостью дополнительного обучения») чаще встречается у лиц с незаконченным высшим образованием (38,1%). Избыточная квалификация (4,3%) характерна главным образом для работников с высшим образованием.

Квалификация напрямую связана с доходами: занятые по специальности реже относятся к низкодоходным группам (20,6% против 26,3%) и чаще входят в средний сегмент (10% против 6,1%). Те, кто работает в смежной сфере, занимают промежуточное положение (22,2% и 10,9% соответственно), а наибольшие риски бедности характерны для работников, полностью сменивших профессию.

Таким образом, в бюджетном секторе профессиональная принадлежность выступает ключевым фактором не только экономического, но и символического капитала: статус учителей, врачей и других специалистов компенсирует последствия недофинансирования, но одновременно усиливает противоречие между высоким общественным признанием и низким уровнем дохода.

Заключение

Проведённое исследование полностью подтвердило выдвинутую гипотезу, выявив, что низкие доходы от занятости в бюджетной сфере детерминируют субъективные оценки уровня и качества жизни, что позволяет квалифицировать бедность работающего населения не как временное, а как устойчивое структурное явление. Несмотря на формальную занятость, значительная часть работников бюджетной сферы остаётся в зоне экономической уязвимости: их доходы часто не превышают прожиточного минимума, а рост зарплат не компенсирует инфляцию. Это создаёт порочный круг, когда даже многолетний стаж не гарантирует финансовой стабильности, а профессиональная идентичность – некогда важный ресурс социального статуса – теряет свою ценность.

По данным нашего исследования было выявлено, что для работников бюджетного сектора доминирующим является материальный фактор в трудовой мотивации, в особенности среди низкодоходных групп. Чем хуже экономическое положение, тем чаще работники вынуждены отказываться от профессиональной самореализации в пользу выживания.

Выявлены гендерные различия: женщины по-прежнему чаще сталкиваются с низкими зарплатами, хотя постепенно продвигаются в средние доходные группы. Отмечена поляризация

адаптационных стратегий: «бедные» прибегают к займам и подработкам, тогда как «обеспеченные» менее уязвимы. При этом лишь 3,2% респондентов связывают профессиональную идентичность с гордостью за работу, что отражает кризис связи образования и занятости.

Ситуацию усугубляют региональные диспропорции, слабая эффективность мер поддержки и рост социальной апатии: каждый пятый респондент не видит перспектив улучшения своего положения. Это свидетельствует не только об экономической нестабильности, но и о снижении доверия к институтам.

Результаты проведённого исследования подчёркивают необходимость разработки и внедрения целевой программы поддержки для работников бюджетной сферы, находящихся в наибольшей зоне социального риска. Это направлено на предотвращение их социальной эксклюзии и снижения пессимистических ожиданий. Такую программу возможно реализовать на основе создания «Карты социального риска» бюджетной сферы. В соответствии с данной картой, с использованием данных опросов и официальной статистики по зарплатам, следует выявить конкретные должности, учреждения и категории работников (например, младший медицинский персонал, библиотекари, педагоги-стажеры), которые подвержены наибольшему риску бедности. Такой подход позволит перейти от общих заявлений о «низких доходах» к более точному определению, кому необходимо оказать помощь в первую очередь.

В части адресных мер устранения гендерной асимметрии возможно внедрение регулярного гендерного аудита оплаты труда в бюджетных учреждениях республики с публичной отчётностью. Аудит должен выявлять неочевидные разрывы на одинаковых должностях и в рамках одной квалификации. Также возможно разработать и внедрить программу целевого карьерного продвижения женщин в бюджетной сфере. Это могут быть программы менторства, льготные условия для направления на повышение квалификации, а также квоты на руководящие должности в учреждениях, где наблюдается значительный гендерный дисбаланс в высших доходных группах.

Для преодоления негативных тенденций необходима модернизация системы оплаты труда в бюджетной сфере, развитие программ переподготовки и адресной поддержки, а также укрепление престижа социально значимых профессий. Проблема работающей бедности в бюджетном секторе носит структурный характер и без системных изменений в социальной политике бюджетная сфера рискует окончательно превратиться в «ловушку бедности», что скажется на качестве человеческого капитала и долгосрочном развитии страны.

Список источников

1. Назарбаева Е.А. Восприятие феномена бедности населением: кого и почему россияне считают бедным? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 4(176). С. 30–53. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2398> EDN FWLIOM
2. Селиванова О.В., Разумов А.А. Бедность работающего населения: анализ основных тенденций и опыт регионов по снижению ее уровня // Экономика труда. 2023. Том 10. № 2. С. 279–296. <https://doi.org/10.18334/et.10.2.117385> EDN ELVJFP
3. Кученкова А.В. Прекаризация занятости как фактор дифференциации заработной платы и социального самочувствия работников // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2021. Том 21. № 1. С. 84–96. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-1-84-96> EDN PLQNLX
4. Вишневецкая Н.Т., Зудина А.А. Институты рынка труда в системе госуправления и проблема работающих бедных // Вопросы государственного и муниципального управления. 2025 № 2. С. 115–136. <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2025-0-2-115-136> EDN ORIJDD
5. Тихонова Н.Е., Слободенюк Е.Д. Бедность российских профессионалов: распространенность, причины, тенденции // Мир России. Социология. Этнология. 2022. Том 31. № 1. С. 113–137. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-1-113-137> EDN SXNSOS
6. Кауфман Н.Ю. Проблемы бедности в России: экономико-социальный аспект // Вопросы управления. 2020. № 5(66). С. 36–45. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2020-5-36-45> EDN FYXBTM
7. Alkire S., Foster J. Counting and multidimensional poverty measurement // Journal of public economics. 2011. Vol. 95. Issues 7-8. P. 476–487. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2010.11.006>
8. Townsend P. Poverty in the United Kingdom: a survey of household resources and standards of living // The Journal of Economic History. 1979. Vol. 40. Issue 2. 1216 p. <https://doi.org/10.1017/S0022050700108393>
9. Уманец Л.В. Неравенство и бедность в высокооплачиваемой Москве // Вопросы статистики. 2018. Том 25. № 3. С. 53–67. EDN YWZEER
10. Ашмаров И.А. «Работающие бедные» в современной России // Историко-экономические исследования. 2018. Том 19. № 4. С. 556–570. [https://doi.org/10.17150/2308-2588.2018.19\(4\).556-570](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2018.19(4).556-570) EDN VTZVDU
11. Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И., Шарунина А.В. Низкооплачиваемые рабочие места на российском рынке труда: есть ли выход и куда он ведет? // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2018. Том 22. № 4. С. 489–530. <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2018-22-4-489-530> EDN VOMJOY
12. Гордон Л.А. Четыре рода бедности в современной России // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 18–35. EDN TZJOEN
13. Разумов А.А., Селиванова О.В. Основные причины и характеристики бедности работающего населения // Социально-трудовые исследования. 2023. № 3(52). С. 68–79. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2023-52-3-68-79> EDN DCZEVY
14. Tikhonova N., Slobodenyuk E. Poverty of Russian Professionals: Scale, Causes, Trends // Social Sciences. 2022. Vol. 53. No. 2. P. 22–41. <https://doi.org/10.21557/SSC.78295187> EDN PQDIUI
15. Halleröd B., Ekbrand H., Bengtsson M. In-work poverty and labour market trajectories: Poverty risks among the working population in 22 European countries // Journal of European Social Policy. 2015. Vol. 25. Issue 5. P. 473–488. <https://doi.org/10.1177/0958928715608794>
16. De Spiegelaere S., Lamberts M. Europe 2020–In-work poverty. Challenges for workers' organizations. European Centre for Workers' Questions. Königswinter: EU, 2013. 56 p. <https://doi.org/10.13140/2.1.1049.0247>
17. The Local Distribution of In-Work Poverty and Sectoral Employment: An Analysis of Local Dynamics in Italy / G. Tonutti, A. Garnero, G. Bertarelli, M. Pratesi // Statistical Methods and Applications. 2024. Vol. 33. P. 973–998. <https://doi.org/10.1007/s10260-024-00756-y>
18. Haxhikadrija A., Mustafa A., Loxha A. In-work poverty in Kosovo. Thematic Report. European Social Policy Network. Brussel: European Commission, 2019. 20 p.
19. Barbieri P., Cutuli G., Scherer S. In-work poverty in Western Europe. A longitudinal perspective // European Societies. 2024. Vol. 26. Issue 4. P. 1232–1264. <https://doi.org/10.1080/14616696.2024.2307013>
20. Martínez-Martín R., García-Moreno J.M., Lozano-Martín A.M. Working poor in Spain. The context of the economic crisis as a framework for understanding inequality // Population Papers. 2018. Vol. 24. No. 98. P. 185–218. <https://doi.org/10.22185/24487147.2018.98.40>
21. Klyachko T., Tokareva G. Teachers' Salary: Expectations and Results Achieved // Educational Studies Moscow. 2017. No. 4. P. 199–216. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-4-199-216> EDN XPUYNN
22. Strategy of the regional development and analysis of poverty and the national labor market in Russia / I. Omelchenko, V. Smirnov, M. Danilina, A. Vas'kov // SHS Web of Conferences Conference Proceedings, 12 January 2021. Vol. 94. Art. 01036. <https://doi.org/10.1051/shsconf/20219401036>
23. Рябушкин Н.Н., Капелюк С.Д. Работающие бедные в России: оценка масштабов проблемы // Экономика труда. 2020. Том 7. № 6. С. 489–498. <https://doi.org/10.18334/et.7.6.110529> EDN YWFMOC
24. Сафонов А. Л., Долженкова Ю.В., Вешкурова А.Б. Факторы бедности работающего населения и пути ее снижения // Социально-трудовые исследования. 2023. № 3(52). С. 46–55. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2023-52-3-46-55> EDN RUSRMI
25. Емельянова Т.П., Дробышева Т.В. Структурно-функциональный подход к анализу социальных представлений о бедности (на примере работников бюджетной сферы) // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 3. С. 250–262. <https://doi.org/10.17805/zpu.2015.3.21> EDN UIWQRL

26. Долматова С.А. Российская специфика дифференциации доходов в госсекторе: работающие бедные // Вопросы политической экономики. 2017. № 1. С. 33–39. EDN YKGVCS
27. Константинова Д.С. Оценка бедности среди работающего населения в современной России // Креативная экономика. 2023. Том 17. № 12. С. 4981–4994. <https://doi.org/10.18334/ce.17.12.120187> EDN QPKDWC
28. Овчарова Л.Н. Теоретические и практические подходы к оценке уровня, профиля и факторов бедности: российский и международный опыт. М.: М-Студио, 2009. 267 с. ISBN 978-5-903198-23-8 EDN QUKQJD
29. Zubarevich N.V. Poverty in Russian Regions in 2000–2017: Factors and Dynamics // Population and Economics. 2019. Vol. 3. No. 1. P. 63–74. <https://doi.org/10.3897/popcon.3.e35376> EDN SXOTTO
30. Селиванова О.В., Смирнов В.М., Новикова Т.Р. Региональные инструменты программно-целевого управления в социальной сфере в контексте сокращения бедности // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 4. С. 585–596. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_8_585_596 EDN JJPCKB
31. Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу: [монография] ФНИСЦ РАН. М.: Наука, 2018. 350 с. ISBN 978-5-02-040118-1 EDN VKRCMM
32. Аникин В.А., Слободенюк Е.Д. Бедность работающих: как изменились детерминанты в России за последние 20 лет? // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Том 9. № 4(36). С. 23–41. <https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.4.8603> EDN ODXDAH
33. Hick R., Marx I. Poor workers in rich democracies: on the nature of in-work poverty and its relationship to labour market policies // Handbook of Labour Market Policy in Advanced Democracies. Ch. 34 / eds. by D. Clegg, N. Durazzi. Edward Elgar Publishing, 2023. P. 495–507. <https://doi.org/10.4337/9781800880887.00046>
34. Mussida C., Sciulli D. Low-pay work and the risk of poverty: a dynamic analysis for European countries // The Journal of Economic Inequality. 2025. <https://doi.org/10.1007/s10888-025-09666-9>
35. D'Aguianno M.C., Gallo G., Luppi M. Towards a Better Understanding of Poverty in the Italian Labour Market // Italian Economic Journal. 2025. <https://doi.org/10.1007/s40797-025-00312-x>
36. Tekgüç H., Akbulut B. A multidimensional approach to the gender gap in poverty: An application for Turkey // Feminist Economics. 2022. Vol. 28. No. 2. P. 119–151. <https://doi.org/10.1080/13545701.2021.2003837>
37. An approach to assessing the national multidimensional poverty line in Russia / L. Kormishkina, E. Kormishkin, E. Ermakova, D. Koloskov // Journal of Eastern European and Central Asian Research. 2021. Vol. 8. No. 3. P. 324–336. <https://doi.org/10.15549/jecar.v8i3.778> EDN CHRMSA
38. Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Одинова Е.В. О рисках в сфере уровня жизни населения России, возможностях и решениях по их снижению // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Том 20. № 1. С. 59–75. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_1_6_59_75 EDN IJGJXW

Информация об авторах:

Айбулат Галимьянович Каримов – кандидат социологических наук, и.о. директора, Институт социально-экономических исследований – обособленное структурное подразделение Уфимского федерального исследовательского центра РАН (SPIN-код: 7027-7545) (ResearcherID: AAS-5301-2021)

Эльмира Ирековна Ахметова – научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований – обособленное структурное подразделение Уфимского федерального исследовательского центра РАН (SPIN-код: 9805-3723) (ResearcherID: K-1038-2017)

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Автор, ответственный за переписку – Эльмира Ирековна Ахметова.

Статья поступила в редакцию 10.08.2025; одобрена после рецензирования 27.10.2025; принята к публикации 24.11.2025.

References

- Nazarbayeva E.A. Perception of the Phenomenon of Poverty: Who is Poor and Why According to the Public Opinion in Russia? *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsial'nye Peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2023;(4(176)):30–53. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2398> (In Russ.)
- Selivanova O.V., Razumov A.A. Working Poverty: Main Trends and Regional Experience to Reduce its Level. *Ekonomika Truda=Russian Journal of Labor Economics*. 2023;10(2):279–296. <https://doi.org/10.18334/et.10.2.117385> (In Russ.)
- Kuchenkova A.V. Employment precarization as a Factor of Wages Differentiation and Social Well-being. *Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya=RUDN Journal of Sociology*. 2021;21(1):84–96. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2021-21-1-84-96> (In Russ.)
- Vishnevskaya N.T., Zudina A.A. Labor Market Institutions in the Public Administration System and the Problem of the Working Poor. *Voprosy Gosudarstvennogo i Munitsipal'nogo Upravleniya=Public Administration Issues*. 2025;(2):115–136. <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2025-0-2-115-136> (In Russ.)
- Tikhonova N.E., Slobodenyuk E.D. Poverty Among Russian Professionals: Scale, Causes, Trends. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Ehtnologiya=Universe of Russia. Sociology. Ethnology*. 2022;31(1):113–137. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-1-113-137> (In Russ.)
- Kaufman N.Yu. Problems of Poverty in Russia: Economic and Social Aspect. *Voprosy Upravleniya=Management Issues*. 2020;(5(66)):36–45. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2020-5-36-45> (In Russ.)

7. Alkire S., Foster J. Counting and Multidimensional Poverty Measurement. *Journal of Public Economics*. 2011;95(7-8):476–487. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2010.11.006>
8. Townsend P. Poverty in the United Kingdom: A Survey of Household Resources and Standards of Living. *The Journal of Economic History*. 1979;40(2):1216 p. <https://doi.org/10.1017/S0022050700108393>
9. Umanets L.V. Inequality and Poverty in High-paying Moscow. *Voprosy Statistiki=Bulletin of Statistics*. 2018;25(3):53–67. (In Russ.)
10. Ashmarov I.A. «Working Poor» in Modern Russia. *Istoriko-ehkonomicheskie issledovaniya=The Journal of Economic History and History of Economics*. 2018;19(4):556–570. [https://doi.org/10.17150/2308-2588.2018.19\(4\).556-570](https://doi.org/10.17150/2308-2588.2018.19(4).556-570) (In Russ.)
11. Gimpelson V.E., Kapeliushnikov R.I., Sharunina A.V. Low Paid Jobs in the Russian Labor Market: does Exit Exist and Where does it Lead to? *Ekonomicheskii Zhurnal Vysshei Shkoly Ekonomiki=HSE Economic Journal*. 2018;22(4):489–530. <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2018-22-4-489-530> (In Russ.)
12. Gordon L.A. Four Kinds of Poverty in Modern Russia. *Sotsiologicheskii Zhurnal=Sociological Journal*. 1994;(4):18–35. (In Russ.)
13. Razumov A.A., Selivanova O.V. Main Causes and Characteristics of Working Poverty. *Sotsial'no-Trudovye Issledovaniya=Social and Labor Research*. 2023;(3(52)):68–79. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2023-52-3-68-79> (In Russ.)
14. Tikhonova N., Slobodenyuk E. Poverty of Russian Professionals: Scale, Causes, Trends. *Social Sciences*. 2022;53(2):22–41. <https://doi.org/10.21557/SSC.78295187>
15. Halleröd B., Ekbrand H., Bengtsson M. In-work poverty and labour market trajectories: Poverty risks among the working population in 22 European countries. *Journal of European Social Policy*. 2015;25(5):473–88. <https://doi.org/10.1177/0958928715608794>
16. De Spiegelaere S., Lamberts M. Europe 2020–In-work poverty. Challenges for workers' organizations. European Centre for Workers' Questions. Königswinter: EU; 2013. 56 p. <https://doi.org/10.13140/2.1.1049.0247>
17. Tonutti G., Garnero A., Bertarelli G., et al. The Local Distribution of In-Work Poverty and Sectoral Employment: An Analysis of Local Dynamics in Italy. *Statistical Methods and Applications*. 2024;33:973–998. <https://doi.org/10.1007/s10260-024-00756-y>
18. Haxhikadrija A., Mustafa A., Loxha A. In-work Poverty in Kosovo. European Social Policy Network. Brussels: European Commission; 2019. 20 p.
19. Barbieri P., Cutuli G., Scherer S. In-work Poverty in Western Europe. A Longitudinal Perspective. *European Societies*. 2024;26(4):1232–64. <https://doi.org/10.1080/14616696.2024.2307013>
20. Martínez-Martín R., García-Moreno J.M., Lozano-Martín A.M. Working poor in Spain. The Context of the Economic Crisis as a Framework for Understanding Inequality. *Population Papers*. 2018;24(98):185–218. <https://doi.org/10.22185/24487147.2018.98.40>
21. Klyachko T.L., Tokareva G.S. Teachers' Salary: Expectations and Results Achieved. *Voprosy Obrazovaniya=Educational Studies Moscow*. 2017;(4):199–216. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2017-4-199-216>
22. Omelchenko I.N., Ivashchenko N.N., Guseva I.S., et al. Strategy of the Regional Development and Analysis of Poverty and the National Labor Market in Russia. SHS Web of Conferences Conference Proceedings, January 12, 2021. 2021;94,01036. <https://doi.org/10.1051/shsconf/20219401036>
23. Ryabushkin N.N., Kapelyuk S.D. Working Poor in Russia: Assessment of the Size of the Problem. *Ekonomika Truda=Russian Journal of Labor Economics*. 2020;7(6):489–498. <https://doi.org/10.18334/et.7.6.110529> (In Russ.)
24. Safonov A.L., Dolzhenkova Yu.V., Veshkurova A.B. Factors of Poverty of the Working Population and Ways to Reduce It. *Sotsial'no-Trudovye Issledovaniya=Social and Labor Research*. 2023;(3(52)):46–55. <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2023-52-3-46-55> (In Russ.)
25. Emelyanova T.P., Drobysheva T.V. Structural and Functional Approach to the Analysis of Social Representations of Poverty (the Case of Public Sector Employees). *Znanie. Ponimanie. Umenie= Knowledge. Understanding. Skill*. 2015;(3):250–262. <https://doi.org/10.17805/zpu.2015.3.21> (In Russ.)
26. Dolmatova S.A. Rossiiskaya Spetsifika Differentsiatsii Dokhodov v Gossektore: Rabotayushchie Bednye. *Voprosy Politicheskoi Ehkonomii*. 2017;(1):33–39. (In Russ.)
27. Konstantinova D.S. Assessment of Poverty Among the Working Population in Modern Russia. *Kreativnaya Ekonomika=Creative Economy*. 2023;17(12):4981–4994. <https://doi.org/10.18334/ce.17.12.120187> (In Russ.)
28. Ovcharova L.N. Teoreticheskie i Prakticheskie Podkhody k Otsenke Urovnya, Profilya i Faktorov Bednosti: Rossiiskii i Mezhdunarodnyi Opyt. Moscow: Publishing House M-Studio; 2009. 267 p. ISBN 978-5-903198-23-8 (In Russ.)
29. Zubarevich N.V. Poverty in Russian Regions in 2000–2017: Factors and Dynamics. *Population and Economics*. 2019;3(1):63–74. <https://doi.org/10.3897/popecon.3.e35376>
30. Selivanova O.V., Smirnov V.M., Novikova T.R. Regional Tools of Program-Target Management in the Social Sphere in the Context of Poverty Reduction. *Uroven' Zhizni Naseleniya Regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(4):585–596. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_4_8_585_596 (In Russ.)
31. Toshchenko Zh.T. Prekariat: Ot Protoklassa k Novomu Klassu. Monograph. Moscow: Publishing House Nauka; 2018. 223 p. ISBN 978-5-02-040118-1 (In Russ.)
32. Anikin V.A., Slobodenyuk E.D. In Work Poverty in Russia: How Determinants Have Changed Over the 20 Years? *Sotsiologicheskaya Nauka i Sotsial'naya Praktika=Sociological Science and Social Practice*. 2021;9(4):23–41. <https://doi.org/10.19181/snsp.2021.9.4.8603> (In Russ.)
33. Hick R., Marx I. Poor Workers in Rich Democracies: On the Nature of In-work Poverty and its Relationship to Labour Market Policies. In: Clegg D., Durazzi N. (eds.) *Handbook of Labour Market Policy in Advanced Democracies*. Ch. 34. Edward Elgar Publishing, 2023. P. 495–507. <https://doi.org/10.4337/9781800880887.00046>

34. Mussida C., Sciulli D. Low-Pay Work and the Risk of Poverty: a Dynamic Analysis for European Countries. *The Journal of Economic Inequality*. 2025. <https://doi.org/10.1007/s10888-025-09666-9>
35. D'Aguzzo M.C., Gallo G., Luppi M. Towards a Better Understanding of Poverty in the Italian Labour Market. *Italian Economic Journal*. 2025. <https://doi.org/10.1007/s40797-025-00312-x>
36. Tekgüç H., Akbulut B. A Multidimensional Approach to the Gender Gap in Poverty: An Application for Turkey. *Economics*. 2022;28(2):119-51. <https://doi.org/10.1080/13545701.2021.2003837>
37. Kormishkina L.A., Kormishkin E.D., Kolosnitsyna M.G., Berberova A.M. An approach to assessing the national multidimensional poverty line in Russia. *Journal of Eastern European and Central Asian Research*. 2021;8(3):324-36. <https://doi.org/10.15549/jecar.v8i3.778>
38. Bobkov V.N., Gulyugina A.A., Odintsova E.V. On the Risks in the Sphere of the Population's Living Standards in Russia, Opportunities and Solutions for Their Reduction. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii=Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2024;20(1):59-75. https://doi.org/10.52180/1999-9836_2024_20_1_6_59_75 (In Russ.)

Information about the author:

Aybulat G. Karimov – PhD in Sociology, Acting Director, Institute of Social and Economic Research of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences

(SPIN-code: 7027-7545) (ResearcherID: AAS-5301-2021)

Elmira I. Akhmetova – Researcher, Institute of Social and Economic Research of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences

(SPIN-code: 9805-3723) (ResearcherID: K-1038-2017)

Author Contributions Statement: all authors have contributed equally to this publication.

The authors declare no conflicts of interest.

The author responsible for the correspondence is Elmira I. Akhmetova.

The article was submitted 10.08.2025; approved after reviewing 27.10.2025; accepted for publication 24.11.2025.